
Петроградъ, дозволено военной цензурой 25 Апрелья 1916 г.

Типографія Б. М. Вольфа, Петроградъ, В. О., Волховской пер., 4.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Въ духовномъ развитіи русскаго общества за XVIII и XIX вѣка далеко не всѣ черты ясны и отчетливы. Изъ огромнаго запаса, накопленнаго былою жизнью—памятниковъ литературы, источниковъ, рисующихъ общественныя настроенія, политическую борьбу и пр.—многое уже изучено или подготовлено къ изученію; стали возможными и попытки охватить „исторію русской интеллигенціи“ или „исторію русской общественной мысли“. Тѣмъ не менѣе, остается сдѣлать еще не мало. Необходимо и подвести итоги всей уже исполненной работѣ, чтобы вполне была осознана основа изученія духовной жизни прошлаго.

Изслѣдованія А. Н. Пыпина представляютъ собою именно такую основу. Извлечь разысканія А. Н. изъ старыхъ журналовъ, гдѣ они погребены, собрать ихъ въ одно цѣлое—прямая обязанность тѣхъ, кто понимаетъ огромное значеніе его научныхъ трудовъ.

Областью нашей духовной культуры, въ предѣлахъ которой особенно много работалъ А. Н., было начало XIX вѣка, Александровская эпоха. Корни ея, уходящіе вглубь вѣковъ, не остались также внѣ круга наблюденій А. Н.

Замѣтное явленіе русской жизни первой четверти XIX вѣка—масонскія организаціи. Масонство давало значительной части общества готовыя рамки для религіозныхъ и философскихъ взглядовъ, литературныхъ вкусовъ, политическихъ симпатій.

Изслѣдуя „времена Екатерины II“ или „общественное движеніе при Александрѣ I“, А. Н. не могъ оставить масонство за предѣлами своего кругозора. Не склонный къ мистикѣ и ея проявленіямъ, А. Н. на правилъ, однако, на нихъ свое вниманіе. Чуждая ему алхимическія рукописи онъ изучалъ такъ же настойчиво, какъ и образцы политической литературы.

Основанные на этомъ изученіи и на трудахъ С. В. Ешевскаго, М. Н. Лонгинова, П. П. Пекарскаго, Н. С. Тихонравова, очерки А. Н. даютъ послѣдовательную картину развитія русскаго масонства; очерки эти сохраняютъ притомъ всецѣло свое значеніе и теперь, черезъ нѣсколько десятковъ лѣтъ послѣ того, какъ были написаны.

Новѣйшія работы по исторіи русскаго масонства XVIII вѣка (Я. Л. Барскова, А. В. Себеки, Т. О. Соколовской, Е. И. Тарасова, В. Н. Тукалевскаго и др.) составляютъ цѣнные дополненія къ трудамъ А. Н., но не замѣняютъ ихъ, да и не ставятъ себѣ такой цѣли. Для первой четверти XIX вѣка новые матеріалы позволили изслѣдователямъ (В. И. Семевскому, Т. О. Соколовской и др.) пойти дальше впередъ, но и для этого времени отправная точка дана „Матеріалами“ А. Н. Пыпина.

А. Н. подготовлялъ переизданіе своихъ очерковъ. Текстъ первыхъ его статей („Русское Масонство въ XVIII-мъ вѣкѣ“, Вѣстн. Евр. 1867, т. II. III, IV, и „Русское Масонство до Новикова“, тамъ же, 1868, июнь и июль), былъ имъ переработанъ еще въ 1870 г. и получилъ единый, законченный видъ—исторіи русскаго масонства въ XVIII вѣкѣ. Книга не была издана въ свѣтъ, такъ какъ авторъ отвлеченъ былъ дальнѣйшими изслѣдованіями въ той же области („Матеріалы для исторіи масонскихъ ложъ“, Вѣстн. Евр.,

1872, январь, февраль, июль, и „Хронологическій указатель русскихъ ложъ“, 1873 г.). Позднѣе, А. Н. предполагалъ свести въ одно цѣлое уже всѣ названныя работы, и это задержало переизданіе очерковъ, потребность въ которомъ, между тѣмъ, давно назрѣла.

Текстъ очерковъ печатается теперь въ томъ видѣ, какой ему былъ приданъ А. Н. Въ качествѣ приложеній помѣщены „Матеріалы“, „Указатель ложъ“ и позднѣйшая статья „Notunculus“ (1896 г.). Приложенія составляютъ, по внутреннему своему содержанию, одно цѣлое съ основнымъ текстомъ. Единство это и отмѣчено заглавіемъ книги, въ которомъ наряду съ XVIII-мъ поставлена первая четверть XIX-го в.

Много усилій потрачено редакторомъ на переработку „Указателя ложъ“; инныя свѣдѣнія пришлось выбросить, какъ невѣрныя, нѣкоторыя свести въ одно, многое добавить; вмѣсто прежнихъ 142 ложъ отмѣчено теперь 187. Конечно, и въ такомъ видѣ „Указатель ложъ“ не можетъ считаться законченнымъ и по-прежнему сохраняетъ характеръ изданія „для дополненій и поправокъ“.

Въ остальныхъ частяхъ книги редакторъ старался сохранять въ неприкосновенности текстъ А. Н., предпочитая выносить поправки въ „Примѣчанія“ послѣ текста¹⁾. То, что тѣмъ не менѣе пришлось вставить въ текстъ, отмѣчено прямыми скобками. Измѣненія или перестановки оговорены въ „Примѣчаніяхъ“.

Г. Вернадскій.

¹⁾ Лишь нѣкоторыя примѣчанія справочнаго характера помѣщены въ видѣ подстрочныхъ выносокъ.

ВВЕДЕНІЕ.

„Имя Новикова — такъ начинается свою книгу его биографъ.¹⁾ — стало пользоваться громкою извѣстностью въ Россіи болѣе восьмидесяти лѣтъ тому назадъ, и въ теченіе цѣлаго десятилѣтія общее вниманіе образованныхъ людей было обращено на дѣятельность этого необыкновеннаго человѣка и его друзей. Несчастіе, постигшее Новикова, положило конецъ не только этой дѣятельности, но и толкамъ и разсужденіямъ о ней. Предметъ такого рода не могъ подлежать, по весьма понятнымъ причинамъ, вѣдѣнію печати въ теченіе длиннаго періода времени. Послѣдователи Новикова, такъ называемые мартинисты и масоны, ограничивали также очень долго свои бесѣды и воспоминанія о немъ тѣснымъ кружкомъ немногихъ избранныхъ. Причины тому были, преимущественно, слѣдующія. Люди эти не хотѣли выступать передъ публикой съ разсказами о прошедшемъ и подвергать завѣтныя свои убѣжденія презрительнымъ насмѣшкамъ несвѣдущихъ и легкомысленныхъ людей, которыхъ ободряло осужденіе, поразившее официально Новикова и его дѣйствія. Притомъ же послѣ гоненія, испытаннаго Новиковымъ, разсказы о немъ могли возбуждать подозрѣнія въ сочувствіи къ дѣлу его, ославленному опаснымъ, и къ людямъ, провозглашеннымъ зловердными. Такимъ образомъ, молчаніе объ обстоятельствахъ, касавшихся до Новикова, происходившее изъ скромности и изъ опасній, обратилось надолго въ какую-то привычку. Даже въ то время, когда масонскія ученія, близкія по духу къ но-

¹⁾ Лонгиновъ, М. Н., въ издѣданіи „Новиковъ и Московскіе мартинисты“ М. 1867. Ред.

виковскому, опять взяли силу и стали (около 1810 года) проповѣдоваться въ довольно значительномъ числѣ книгъ, оригинальныхъ и переводныхъ, выходившихъ не только въ столицахъ, но и въ провинціяхъ, — молчаніе о лицахъ, составлявшихъ Новиковскій кругъ и участвовавшихъ въ его дѣятельности, все-таки почти не нарушалось. Развѣ изрѣдка прерывалось оно въ печати полунамеками и загадочными иносказаніями“...

Эти замѣчанія достаточно объясняютъ, какимъ образомъ могло случиться, что личность, подобная Новикову, личность, имѣвшая въ свое время чрезвычайно обширное вліяніе, несмотря на то могла на долгое время почти совершенно изгладиться изъ памяти общества, такъ что теперь историкъ не безъ особеннаго труда возстановляетъ факты жизни и дѣятельности этого человѣка, — будучи почти лишенъ прямыхъ преданій (Новиковъ умеръ въ 1818 году) и вынужденный ограничиваться почти одними официальными документами, изображающими послѣднюю насильственную катастрофу этой дѣятельности. вмѣстѣ съ личностью Новикова оставалось недоступно для исторіи и цѣлое общественное движеніе, въ которомъ онъ игралъ господствующую роль. Таковъ фатумъ, не одинъ разъ падавшій на нашихъ общественныхъ дѣятелей.

Къ сожалѣнію, такая неизвѣстность лежитъ въ большей или меньшей степени на всей внутренней исторіи нашего общества. Мы знаемъ военныя дѣянія и внѣшнюю официальную исторію государства, но внутренняя исторія общества, представляющая наиболѣе глубокий нравственный интересъ, — до сихъ поръ остается для насъ покрыта или полнымъ туманомъ, или тѣми же полу-намеками и загадочными иносказаніями. Ревнивые патріоты очень нерѣдко упрекали общество за его равнодушіе къ прошедшему и къ его славнымъ дѣятелямъ; но эти упреки, конечно, были справедливы, когда общество, вмѣсто исторіи, находило въ существовавшемъ запасѣ одни послужные списки, восхвалительныя реляціи, или одинъ сырой матеріалъ, безъ связи и безъ освѣщенія, или когда оно чувствовало, что предлагаемая ему исторія обходитъ много самыхъ существенныхъ событій, умалчиваетъ объ его собственной внутренней жизни. Та часть общества, которую сколько-нибудь можно

назвать образованною, всегда интересовалась тѣми книгами, гдѣ она могла находить нѣчто похожее на настоящую исторію, особенно новѣйшую.

Такимъ образомъ, общество можно было бы винить за равнодушіе развѣ къ той только исторіи, какая ему обыкновенно предлагалась. А предлагались, почти всегда, вещи, едва-ли заслуживающія названія исторіи. Мы не будемъ входить здѣсь въ мудреное перечисленіе причинъ, которыя дѣлали невозможнымъ появленіе настоящей вполнѣ правдивой исторіи. Онѣ довольно понятны изъ всего характера нашей общественной жизни и положенія литературы. Еще очень недалеко время, когда изъ литературнаго изложенія были положительно исключаемы цѣлыя историческія эпохи, и изложеніе историческихъ событій затруднялось разнообразными ограниченіями, которыя, въ концѣ концовъ, часто дѣлали это изложеніе совершенно невозможнымъ. Исторія есть публичность и критика въ прошедшемъ, и въ прошедшемъ она можетъ быть только тогда, когда получаетъ какое-нибудь право въ настоящемъ, потому что настоящее и прошедшее тѣсно связаны между собою. Поэтому исторія растетъ съ публичностью и общественнымъ мнѣніемъ; наше время поставлено въ этомъ отношеніи нѣсколько выгоднѣе прежняго, а вмѣстѣ съ тѣмъ, и исторія стала нѣсколько возможнѣе прежняго. Пожелаемъ, чтобы она еще больше имѣла успѣха въ этомъ направленіи, — это не можетъ принести ничего иного, кромѣ пользы, и пользы глубокой и существенной.

Въ самомъ дѣлѣ, изученіе исторіи своего отечества есть одинъ изъ самыхъ вѣрныхъ путей къ достиженію общественнаго самосознанія, безъ котораго невозможна никакая разумная общественная жизнь, никакая дѣятельность, желающая руководиться истинными интересами общества и истинными нравственными началами. О необходимости этого самопониманія говорилось въ послѣднее время очень много (хотя большинство не уразумѣвало, въ чемъ именно оно должно состоять), такъ или иначе, всѣмъ чувствовался его недостатокъ. Но одно изъ лучшихъ и дѣйствительнѣйшихъ средствъ къ этому самопониманію и даетъ именно историческое изученіе. Польза исторіи, конечно, не такова, какъ понимали ее въ старину; ея уроки не похожи на мораль

басни: будь послушенъ, будь прилеженъ, и т. д.; потому что прямо и непосредственно исторія, къ сожалѣнію, даетъ слишкомъ много примѣровъ успѣха зла и несправедливости, гибели добра и правды. Ея уроки шире и глубже: объясняя великія внутреннія движенія общества, опредѣляя условія, содѣйствующія или мѣшающія его развитію, она научаетъ понимать основную идею фактовъ и явленій, отличать то, что бываетъ въ нихъ живымъ требованіемъ времени и здороваго развитія и что составляетъ только тупую инерцію отживающей старины, дошедшей до конца своей роли; объясняя броженіе и борьбу элементовъ человѣческаго общества, она указываетъ его истинныя цѣли, истинныя причины его процвѣтанія и вмѣстѣ наилучшія средства достиженія этихъ цѣлей. Поэтому и въ настоящемъ исторія можетъ указывать въ явленіяхъ жизни, что является въ ней новымъ элементомъ, справедливо требующимъ себѣ мѣста, и рано или поздно долженствующимъ достичь его, и что бываетъ только упрямой неподвижностью старыхъ преданій, упорство которыхъ только усиливаетъ напряженіе борьбы и дѣлаетъ ее только болѣе тяжкимъ трудомъ и испытаніемъ для общества. Такая наука не даетъ правилъ ходячей морали, но она можетъ опредѣлять всю дѣятельность мыслящаго человѣка, указать ему свѣтлый идеалъ, которому долженъ отдаться человѣкъ, уважающій свое достоинство и желающій служить своему обществу, и можетъ помочь ему извлечь изъ этого идеала твердое понятіе о своемъ человѣческомъ и гражданскомъ долгѣ. Въ здоровой и сильной націи, идущей съ дѣйствительнымъ сознаніемъ путями цивилизаціи, историческое движеніе можетъ быть только прогрессомъ, постояннымъ совершенствованіемъ, — иначе надо было бы считать безплодными всѣ усилія гениальныхъ людей, всѣ успѣхи наукъ и искусствъ, всѣ громадныя труды націй. Движеніе это прерывалось и нарушалось, въ историческихъ переворотахъ гибли нерѣдко богатые памятники науки и искусства, — но въ послѣднемъ результатѣ историческое движеніе шло впередъ. Судьба отдѣльныхъ историческихъ дѣятелей, гениальныхъ умовъ или друзей человѣчества часто бывала печальна, — но ихъ трудъ рѣдко пропадалъ, и если потомство, наконецъ, оцѣняетъ ихъ, эта оцѣнка есть нравственное и умственное завоева-

ніе, которое сдѣлано обществомъ съ тѣхъ поръ, и сдѣлано во имя стремленій и при помощи этихъ самыхъ людей. А если таково значеніе историческаго развитія, то изученіе исторіи можетъ быть однимъ изъ самыхъ благотворныхъ изученій, указывая смыслъ идей, составляющихъ предметъ общественной борьбы, и укрѣпляя часто упадающее передъ трудностями мужество тѣхъ, кто стоитъ за дѣло истины и дѣйствительной пользы общества.

Назидательность этого рода имѣетъ всякая исторія или всякая историческая книга, которая рассказываетъ не одну внѣшнюю смѣну фактовъ, но затрогиваетъ внутреннюю жизнь человѣческаго общества. Въ самомъ дѣлѣ, какъ ни безконечно разнообразіе историческихъ явленій, какъ ни различна бываетъ обстановка историческаго процесса, которую производитъ раса или нація, географическая мѣстность, климатъ, преданія, религія, правленіе, формы общественной жизни, нравы, и т. д.,—но самый внутренній процессъ до замѣчательной степени единообразенъ и простъ по своей сущности, потому что онъ весь построенъ на физическихъ и нравственныхъ потребностяхъ человѣческой природы. А эта природа вездѣ одна и та же человѣческая природа. Для тѣхъ, кто способенъ понимать уроки исторіи, можетъ быть чрезвычайно поучительна и исторія Англіи, Германіи или Франціи, и даже Турціи или Бухары. Но, естественно, что исторія отечественная, изложенная въ упомянутомъ смыслѣ, имѣетъ для насъ высокую степень этого интереса и назидательности, потому что передаетъ судьбу народа, личностей и идей, совершавшуюся, если не при совершенно тѣхъ же, то при значительной долѣ тѣхъ же самыхъ условій, въ какихъ совершается наша судьба и судьба нашихъ идей. Не говоримъ уже о томъ, что естественная привязанность къ своему сообщаетъ намъ несравненно большую степень воспріимчивости и участія къ историческимъ событіямъ, идеямъ и личностямъ нашего народа.

Такой историческій интересъ и поучительность представляетъ и масонское движеніе XVIII столѣтія, въ которомъ наиболѣе замѣтно выдвигается личность Новикова.

Общій историческій смыслъ этого движенія состоитъ въ томъ, что оно было однимъ изъ первыхъ проявленій обще-

ственной инициативы, или самодеятельности, и вместе однимъ изъ многихъ фактовъ европейскаго вліянія, начавшаго сильно дѣйствовать на русскую жизнь, въ особенности съ Петра Великаго. Эта общественная инициатива была совершенно послѣдовательнымъ результатомъ реформы; это было доказательство, что реформа дѣйствительно возбудила умственную жизнь въ самомъ обществѣ, которое стало искать себѣ дѣятельности въ силу тѣхъ новыхъ понятій, какія были принесены преобразованиемъ. Общество начало выходить изъ того патріархальнаго періода, гдѣ оно совершенно подчинялось государству, гдѣ безраздѣльное господство послѣдняго держалось средневѣковой патріархальностью понятій, общихъ и самой власти, и всѣмъ классамъ націи. Новая улучшенная жизнь, начавшаяся съ реформой, естественно возбуждала новый разрядъ понятій, которыя по необходимости расходились съ патріархальными преданіями, новыя нравственныя представленія, которыя не были знакомы старой жизни. Въ обществѣ являются признаки самосознанія; оно перестаетъ видѣть за собой одно только служебное назначеніе, начинаетъ чувствовать потребность и обязанность самостоятельной дѣятельности. Это новое возбужденіе выразилось главнымъ образомъ—возникновеніемъ новой литературы и масонскимъ движеніемъ. И то и другое были собственнымъ дѣломъ общества, гдѣ оно само отыскивало себѣ цѣли и образцы, употребляло свой трудъ матеріальный и нравственный, стремилось къ національному благу своими путями. Впослѣдствіи оказалось и у насъ, что стремленія общества не совпадали съ данной формой государства,—послѣднее вообще упорно поддерживало старыя традиціи власти, но на первое время общество не доходило, и не могло дойти до этого сознанія: его собственные труды только что начинались, оно ставило первые элементарные вопросы общественной нравственности и не думало нисколько противиться существующимъ порядкамъ. Такой смыслъ имѣло первое масонство, которое даже въ своихъ европейскихъ источникахъ въ числѣ первыхъ своихъ принциповъ ставило полное повиновеніе предрѣжащимъ властямъ, волею ихъ оно подчиняло даже собственное существованіе. Но сама власть уже въ это время заявила, впрочемъ, нѣкоторую подозрительность. Тѣмъ не менѣе, ложь, слишкомъ